

Мир, 1980, Чехия

БАРОН Мюнхгаузен с его невероятными рассказами давно пользуется нашими симпатиями — он из тех чудачков, что украшают жизнь. Одни почитали его фантазмом, другие — просто вралем, но никто не принимал его всерьез. И так продолжалось до... первого января нового года. В этот день драматург Гр. Горин, режиссер М. Захаров и ансамбль прекрасных актеров заставили нас иначе взглянуть на знаменитого барона. Точнее, на нового барона Мюнхгаузена. Еще точнее, на то, сколь зыбкая грань отделяет фантазию от смелого прозрения. Заставили вспомнить о том, что дерзкая идея всегда казалась сначала безумной. Это потом уже, кровью отвоёвав себе право именоваться истинной, идея становилась классически ясной и доступной: на нее ссылаются, на нее опираются, она вне подозрений и критики. А вначале ей было трудно. Джордано Бруно, как известно, сожгли.

Тень Джордано Бруно ощутимо витает в фильме. И Дон Кихота. И многих других персонажей истории — реальной и литературной. Наш герой, говорят авторы картины, жил всегда, с его бескорыстной мечтой подарить людям счастье. С мечты все начинается — уж так устроен мир. С мечты безумной, дерзкой, всепоглощающей, вызывающей недоумение, непонимание, негодование тех, кому мечтать не дано.

Впрочем, таким не дано и осуществить мечту, даже когда она ставит истину. Ведь в истине их привлекает авторитетность. Стабильность. Возможность опереться. Мечтатель и на этом этапе для них лишний. Потому что его мечты, его истины могут жить лишь в движении.

Вот на какие серьезные размышления наводит новая история барона Мюнхгаузена, придуманная Гр. Гориним. Горин обошелся с бароном как многие его предшественники по литературе — с Дон Жуаном. Взял лишь контур знакомого характера, лишь мотивы его фантазий, полагаясь на наше знание хрестоматий как на фундамент, — теперь на нем можно строить заново.

Перед нами прошла драма. Хотя

и рассказанная с озорством, но драма — земная, реальная и так основательно вплетенная в историю человеческого дерзания, возбуждающая столь разветвленную цепь ассоциаций, что к прежнему Мюнхгаузену, из анекдотов и мультфильмов, вернуться теперь очень трудно. В памяти будет стоять человек, которому легче умереть, чем солгать самому себе.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ЭТОТ НОВЫЙ МЮНХГАУЗЕН

Он весел, потому что внутренне свободен. Он творец, потому что творчество — естественное состояние человека. Но творить невозможно с оглядкой на общепринятые условности и дутые авторитеты. Он и не оглядывается.

А те, другие, вокруг — умные и не очень, честные и не слишком — закрепощены, зажаты намертво в тисках условностей, канонов, конъюнктуры и собственной ограниченности; все играют в чинную игру, где хороводит неутомимый на прописи и вполне заурядный герцог.

Здесь и проходит водораздел между ними. Между естественным и фальшивым. Бескомпромиссностью и трусливым расчетом. Смелостью быть собой и удобным конформизмом. И в этом смысле фильм Горина и Захарова продолжает ту борьбу за нравственное в нашей жизни, которая в сегодняшнем искусстве выходит на первый план, завоевывая все новые позиции. Нужды нет, что история — давняя. Она же и вечная, ибо времена проходят, но все те же человеческие свойства, модифицируясь в зависимости от условий, по-прежнему

либо мешают нам в пути, либо зовут к звездам...

Марк Захаров, режиссер театральный, кинематографическим языком овладевал трудно и упорно, он знал обидные поражения, но он чувствовал этот язык, прорывался к нему, и тогда возникали, например, лучшие эпизоды «Двенадцати стульев». Потом было «Обыкновенное чудо», где режиссер, кажется,

впервые по-настоящему обрел свой стиль в кино — поэтический, способный передать множество эмоциональных оттенков одновременно. И теперь — «Мюнхгаузен» с его мятежной романтичностью и горьким сарказмом, с острыми контрастами ритмов и такой психологической выразительностью детали, какая в кино доступна только мастеру и только тогда, когда он не умеет быть выверенно спокойным. Фильм движется единой страстью, в нем жив задорный дух студийной импровизации, и понимаешь, что совсем не случайно именно эти актеры сошлись на съемочной площадке. Роли, сыгранные здесь О. Янковским, И. Чуриковой, Е. Кореновой, Л. Броневым, И. Квашой, А. Абдуловым, с полным правом войдут в лучшие страницы их актерских биографий. Авторам удалось то, что в принципе удается немногим, — преодолеть один из самых стойких литературных стереотипов, не вызвав протеста, сожаления о разрушенном. Они и не разрушали, не совершали насилия над характером героя — они попытались определить его место среди людей.

В. КИЧИН.